

DOI 10.15393/j9.art.2017.4141

УДК 821.161.1.09“18”

Татьяна Николаевна Воронина*Вологодский государственный университет
(Вологда, Российская Федерация)*

myberegok@rambler.ru

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ЕВАНГЕЛЬСКОГО СЮЖЕТА В РАССКАЗЕ А. А. КОНДРАТЬЕВА «ПОСЛЕДНЕЕ ИСКУШЕНИЕ»

Аннотация. Автор статьи анализирует интерпретацию евангельского эпизода распятия Христа в рассказе А. А. Кондратьева «Последнее искушение». В работе утверждается, что писатель руководствуется вариантами изложения новозаветной истории от Луки и Иоанна и рассматривает исходные события как христианский миф, который можно пересоздать в искусстве. Кондратьев изменяет угол зрения на происходящее: оно показано глазами духа из армии дьявола. Эпизод крестных мук Иисуса представлен как решающая битва добра и зла, которые персонафицированы в Сына Человеческого и Избранника (Сатану). Исход сражения связан с присутствием третьей силы — загадочного преступника-араба, от позиции которого зависит результат схватки. Писатель по-своему трактует легенду о благоразумном и безумном разбойниках, превращает этих второстепенных персонажей в ключевых действующих лиц. В рассказе присутствуют аллюзии на апокрифические «Евангелие от Никодима», «Арабское евангелие детства Спасителя», используется прямое цитирование новозаветных текстов. Кондратьев добавляет в новозаветную историю мотив космической битвы Света и тьмы, смещает точку зрения на благоразумного разбойника, образ которого создает главную интригу повествования: подчеркивается значимость этой фигуры в сражении добра и зла, его загадка (кто он такой и какие цели преследует) создает в финале рассказа эффект недосказанности — неразгаданной тайны библейской истории.

Ключевые слова: Евангелие, Александр Кондратьев, Серебряный век, мотив, образ дьявола, благородный разбойник

Александра Алексеевича Кондратьева (1876–1967) относят к писателям так называемой младшей линии Серебряного века. Его фигура как при жизни, так и по сей день остается в тени более маститых современников: В. Я. Брюсова, К. Д. Бальмонта, А. А. Блока, Вяч. Иванова и др. Однако творчество Кондратьева представляет самостоятельный интерес

как оригинальное проявление неомифологизма в литературе. Научное осмысление наследия писателя начинается с выхода в 1990 г. монографии В. Н. Топорова «Неомифологизм в русской литературе начала XX века. Роман А. А. Кондратьева “На берегах Ярыни”» [15]. В дальнейшем творчество Кондратьева изучалось в историко-литературном и биографическом курсах (О. Седов [12]; Е. В. Шалашов [16]; Е. Г. Таран [14]), в аспекте поэтики (Ю. Б. Орлицкий [7]; С. И. Кормилов [3] и др.), в частности — мифопоэтики, которой посвящен основной массив работ о писателе (Н. В. Шинкарова [17]; А. А. Моисеева [6]; А. В. Коровашко [4]; И. А. Пивоварова [8] и др.). Исследователей интересуют в первую очередь опыты Кондратьева в области художественной реконструкции античных и славянских мифов. Реже внимание ученых привлекает работа писателя с библейскими темами и сюжетами. Так, Н. В. Шинкарова обращается к данному вопросу с целью выявления сквозных архетипических образов и мотивов в дореволюционных сборниках рассказов писателя [17]. С. И. Кормилова интересуется ритмизованная проза у данного автора, в частности, рассматривается весьма смелая интерпретация евангельской истории в рассказе «В пещере» [3].

А. А. Кондратьев в своем творчестве неоднократно обращался к библейским сюжетам и персонажам как в поэзии, так и в прозе. До 1917 года в основном это были попытки посмотреть на евангельскую историю с другой точки зрения, как бы из противоположного «лагеря». В стихотворении «Люцифер» из первого сборника писателя «Стихи А. К.» 1905 года нарисован романтический образ дьявола, парящего в «беспредельном пространстве»¹; сонет «Пусть Михаилом горд в веках Иегова...», получивший премию на конкурсе 1906 года за лучшее литературное изображение сатаны (см. об этом: [11]), написан от имени последнего. Озаглавленное цитатой из Евангелия от Иоанна стихотворение «В доме отца моего обителей много...» (сборник «Черная Венера» 1909 года) намекает на демонологический мир, взывающий к своему властелину. В высоко оцененном А. Блоком рассказе «В пещере»² (1906) выворачивается наизнанку новозаветный смысл эпизода воскресения Христа. Эксперименты А. Кондратьева

с евангельскими сюжетами (впрочем, как и с античными, доминирующими в этот период в творчестве писателя) прошли в русле умонастроений Серебряного века, когда деятели искусства «усвоили, что миф не является “святым достоянием старины” и чем-то безвозвратно минувшим и что новое время творит новые мифы, изначальными авторами которых вполне могут быть писатели и поэты» [10, 239].

После революции 1917 г. и вынужденной эмиграции меняется как круг интересующих Кондратьева тем, так и характер использования библейского материала. Так, в двух стихотворениях 1919 г. «В церкви в день Успенья» и «В день Покрова» возникают иконописные светлые лики Богоматери и Спасителя, к которым лирический герой обращается с молитвой. В романе «На берегах Ярыни» (1930) писатель вновь возвращается к образу дьявола, однако данный inferнальный персонаж здесь изображен как однозначно безобразный внешне и по сути своей разрушитель всего и вся и лишен какого бы то ни было романтического ореола.

Рассказ «Последнее искушение» вошел в состав сборника «Белый козел» (1908), но, вероятно, написан был значительно раньше. Произведение относится к первому периоду творчества Кондратьева, когда писатель был близок к кругу символистов и испытал влияние идей Вяч. Иванова, что выразилось в интересе к «древнему хаосу»³ и связанному с ним демоническому созидательно-разрушительному дионисийскому началу. В основу сюжета рассказа лег центральный эпизод Нового Завета — распятие Христа, причем автор преимущественно руководствуется вариантами изложения данной истории от Луки и от Иоанна. Как и у евангелистов, смерть Спасителя выступает в «Последнем искушении» как главное событие, ради которого Он приходил на землю. Думается, что Кондратьев воспринимает исходную историю как христианский миф и рассматривает ее в характерном для символистов русле: «...как выражение исходных и основных черт человеческой культуры, ее Первоначал и Первоистоков» [5, 62] и как материал, который можно пересоздать в искусстве. Писатель дает собственное прочтение евангельской легенды и, оставляя фабулу без изменений, с помощью дополнительных деталей

и персонажей смещает акценты в известных событиях. При этом он действует в рамках рациональной «описательной модели» (см. об этом: [9]) применения мифа в творчестве: излагает авторскую версию известного сюжета без соотнесенности с современностью.

Первое, на что обращаешь внимание при прочтении рассказа, — личный повествователь, обозначенный автором в подзаголовке: «рассказ духа». Далее по тексту становится понятно, что речь идет о бесе, одном из неисчислимой армии Сатаны. Дух предстает как наблюдатель, он не участвует в происходящем, а внимательно следит за всем со стороны, фиксирует детали, осознает важность и масштаб события. Тем самым создается впечатление, что действие свершилось только что, а не в далеком прошлом, ибо для повествователя история разворачивается в актуальном настоящем, и от ее финала зависит и его судьба. И перед читателем не «предания старины глубокой», а хроника недавних событий. Такой эффект усиливается многократным употреблением глаголов несовершенного вида: «я видел», «победа носилась», «он готовился», «губы шептали», «военная стража говорила», «народ вопил» и т. п.

Дух-рассказчик неиндивидуализирован: у него нет ярких речевых особенностей, личного отношения к происходящему, отсутствуют указания на черты внешнего облика и характера. Он — часть сонма демонов, один из многих, что подкрепляется выражениями вроде «мы знали», «многие из нас» и т. п. Характерно, что повествователь в тексте назван нейтральным словом «дух», а не бесом, но о его принадлежности к нечистой силе можно судить только по самоидентификации рассказчика с армией Сатаны («один из наших») и по осведомленности о ее планах. Кондратьев сознательно меняет точку зрения на новозаветные события казни Христа, смещая ее в сторону противоположного лагеря (такой прием характерен для его творчества). Писатель стремится поведать историю изнутри и с позиций свидетеля-оппонента, создать тем самым эффект остранения.

Однако характер повествования остается весьма отвлеченным, как бы приподнятым над обыденностью. В тексте отсутствуют личные имена, почти нет упоминаний о географической

привязанности действия, деталях быта и приметах эпохи. В фокусе внимания автора — герои-константы, образы-топосы, изображенные как вневременные и внепространственные сущности: Сын Человеческий, Его Мать, Его ученик, разбойник, дух тьмы.

Эпизод распятия Христа в «Последнем искушении» интерпретируется в духе раннехристианских дуалистических течений как решающая битва Добра и Зла. Этот мотив звучит уже в первых словах рассказа: «Приближалась последняя борьба»⁴. Противостояние дьявола и бога принимает характер классического библейского испытания: Сатана, вселившийся в тело одного из распятых разбойников, искушает Иисуса, предлагая ему сойти с креста, а Спаситель должен противостоять искушению. При этом в небесах парят мириады ангелов, к Иерусалиму движутся легионы нечистой силы, но исход сражения зависит не от соотношения сил, а только от личной стойкости Христа и его решимости выполнить до конца свою миссию. Такая интерпретация сходна с учением гностиков, в котором «смерть Иисуса трактовалась как победа над космическими силами зла, освобождение от них» [11, 270]. Но, в отличие от представителей гностицизма, не признававших человеческой природы Христа, у Кондратьева Спаситель «должен был страдать и умереть, как человек» (125). Силы Сатаны с самого начала предчувствуют свою обреченность на неуспех, но, исполненные отчаяния, предпринимают последнюю попытку вырвать победу. Демоны не пассивно наблюдают за противостоянием Иисуса и его искушителя. Они соблазняют Сына Человеческого, апеллируя к его же собственным словам о семени «А иное упало на камень и взошед засохло, потому что не имело влаги» (Лк. 8:6): «Семя слов Твоих упало на каменистую почву. Народ этот недалек и себялюбив, а потому слова Твои ему не понятны. Кто хочет успеха у толпы, тот должен действовать на ее чувство и воображение. Им нужно чудо» (126). Бесы подстрекают жаждущую зрелища толпу выкрикивать: «Сойди со креста!» — и под видом назойливых мух усиливают страдания распятых.

Вслед за евангелистами Кондратьев не описывает Христа, а скорее представляет Его. Образ Спасителя нарисован предельно обобщенно, он складывается из немногочисленных реплик

Иисуса, цитируемых по Писанию, и крайне скупых деталей, напоминающих о крестных муках («кровь текла по Его ладоням и капала на землю» (126), «лицо Его изобразило страдание» (128)). Христос ни разу не называется по имени, что связано не только со специфическим повествователем, но и с общим тоном рассказа. В абстрагированных именовании акцентируются разные функции образа, а сам персонаж безошибочно идентифицируется читателем: Сын Человеческий (человеческая ипостась Бога); Обреченный, Божественный Страдалец, Распятый (земная миссия страдания и искупления); Божественный Противник / Соперник (противостояние мировому злу, воплощенному в Дьяволе). Иисус изображен как борец, сознательно избравший свой путь и идущий им к намеченной цели: «Но Он вперед знал все это и обрек Себя на смерть, помня, что только она может дать ему торжество» (124). Несмотря на то, что внимание всех приковано к Спасителю, он абсолютно одинок, что во многом является его добровольным выбором. Между Христом и Его Матерью, стоящей у подножия креста, происходит мысленный диалог, в который Кондратьев вплетает цитаты из Евангелия от Иоанна (Ин. 19:26–27): «Сын мой, Ты рано покидаешь Меня, на кого оставишь Ты свою злополучную Мать?» — казалось, говорили глаза Той, что была старше других. «**Жено, се сын Твой**, — как бы в ответ Ей сказал наш Противник и прибавил, обращаясь к любимому ученику, который один из двенадцати не оставил Его в минуту конца: **Се мать твоя!**» (127) (дословные совпадения с текстом Евангелия выделены мной. — Т. В.). Здесь упоминается и фигурирующий у Иоанна любимый ученик, которому Спаситель перепоручает Матерь Свою, как единственный оставшийся с наставником до смертного часа.

Антитеза Бога и Сатаны представлена как традиционная антиномия света и мрака при безоговорочном преимуществе первого, что подчеркивается графически: «Сын Света» и «дух тьмы». Дьявол в тексте — не столько конкретная персона, сколько часть рассеянного множества. Он — «один из наших великих духов», «Избранник наш», то есть уполномоченный представитель темных сил. Его адский план состоит в том, чтобы «разделить судьбу Божественного Противника»,

«соблазнить и умереть», пережив «перед этим все муки и ужас расставания с жизнью» (125). Дьявол хочет уравнять себя с Христом в униженности перед толпой, страдании и казни на кресте. Сатана принимает человеческий облик, действует в обличье осужденного на распятие разбойника, но его inferнальная сущность подчеркивается повторяющейся деталью: взоры его «пылающие», «сверкали, как раскаленные угли» (125). Равные телесные муки, испытываемые персонажами, усиливают антитезу божественного и демонического, которая проявляется в поведении героев: «Сын Человеческий молчаливо претерпевал страдания и насмешки» (126) — «Избранник метался на кресте, вызывая соболезнования даже у привычных римских воинов» (128). Евангельскую реплику безумного разбойника («если Ты Христос, спаси Себя и нас» (Лк. 23:39)) Кондратьев разворачивает в страстный безмолвный монолог-мольбу, которым Сатана надеется поколебать решимость Иисуса: «Если ты Сын Божий, милосердный, сойди с креста и спаси Себя и нас. Слышишь? Себя и нас! И мы ведь страдаем. Докажи нам любовь Свою!» (127). Дух тьмы делает ставку на сострадание Христа к чужим мукам: если Спаситель готов вынести испытания один, то готов ли Он также не помочь собратьям по кресту и обречь их на пытку и смерть? Слова искусителя попадают в цель: Сын Человеческий вздрогнул, и «лицо Его изобразило страдание» (128).

Здесь уместно обратиться к ключевому персонажу рассказа, который создает главную интригу и вводит в повествование мотив тайны. Это второй распятый разбойник. Его появление в тексте окружено атмосферой загадочности: Сатана почему-то смотрит на него с недоумением, «ангел, реявший над шествием, показал другому мечом на этого человека и сказал ему что-то, и другой ангел кивнул в ответ головой» (126). Такие странные обстоятельства привлекают внимание духа-рассказчика, он обеспокоен, но не понимает, в чем дело. Силы добра и зла явно связывают с этой таинственной личностью какие-то ожидания, становится понятно, что от нее в чем-то зависит исход решающей битвы. Данный разбойник — единственный персонаж, чей портрет и элементы биографии даются в рассказе: «Это был высокий, мускулистый, загорелый

араб, спокойно следовавший позади товарищей по казни» (125). Интересно, что рядом с такими символическими, обобщенными, не связанными с конкретным этносом фигурами, как Сын Человеческий и Избранник темных сил, возникает араб, в прошлом у которого — грабежи на побережье Мертвого моря. В толпе у Голгофского холма шепчутся, «что он не трогал бедных и даже помогал им» (125). Возможно, это аллюзия на апокрифическое «Арабское Евангелие детства Спасителя», в котором приводится история встречи бежавшего в Египет Святого семейства с благородным разбойником Титом. Он уберет Иосифа, Марию и Иисуса от нападения своих товарищей, и в связи с этим благим делом юный Христос произносит пророческие слова: «Распнут, о мати, Меня через тридцать лет иудеи в Иерусалиме, а два разбойника эти со Мною на одном кресте повешены будут: Тит — одесную, и ошую — Думах. На другой же день внидет передо Мною Тит в Царствие Небесное» [13, 384]. С одной стороны, в рассказе араб подается как Робин Гуд первых лет христианства, с другой — он все равно остается загадкой для окружающих, так как его прошлое — лишь предмет предположения собравшихся посмотреть казнь людей («в толпе слышалось...» (125)).

Кульминацией «Последнего искушения» является диалог между разбойником и Христом. Выслушав смущающие душу слова Сатаны, Иисус поворачивается к другому сотоварищу по казни. Далее в рассказе нагнетается атмосфера напряженного ожидания реакции араба: «Мы ждали с нетерпением, что произойдет. Ждал Избранник. В небе ждали ангелы...» (128) (курсив мой. – Т. В.). Многократные повторы, троеточия, упоминание о воцарившейся тишине создают ощущение внезапно остановившегося времени. Избранник «впился взорами» в разбойника, последний становится в этот момент центром великого события, и все обставлено так, будто от его поведения зависит исход космической битвы добра и зла. Слова распятого преступника воспроизводят текст Евангелия от Луки (23:42): «Вспомни обо мне, Господи, когда придешь в Свое царство!» (128). Тем самым разбойник не только напоминает Христу о его миссии, что прямо отмечается в рассказе, но и проявляет солидарность со Спасителем, высказывает веру

в Его божественную сущность. Ответ Иисуса опять отсылает к новозаветным строкам (Лк. 23:43): «Истинно говорю тебе, ныне же будешь со Мною в раю!» (128). Характерно, что все предыдущие диалоги в рассказе — мысленные, и только эти, решающие, фразы произносятся вслух, акцентируя тем самым важность и торжественность переломного в ходе действия момента. После слов Христа дух-рассказчик лаконично заключает: «Все мы поняли, что наше дело проиграно» (128). На этом сцена распятия обрывается, упоминается лишь растущая на горизонте черная туча — реминисценция на евангельское «и померкло солнце» (Лк. 23:45) — то спешит отчаявшееся войско сил тьмы.

В финале загадочный разбойник вновь оказывается в фокусе внимания рассказчика. Дух рассуждает о том, кто бы это мог быть: «Но кто был этот загадочный человек? Да и человек ли это был? Души его мы так и не видели. По-видимому, он заключил какое-то соглашение с Избранником и нарушил его» (129). Тайна остается нераскрытой. По туманным намекам можно предположить, что это мог быть тот самый одним из первых попавший в рай благоразумный разбойник, который упоминается в апокрифическом «Евангелии от Никодима» [1]. В то же время под личиной неизвестного преступника могла скрываться некая третья мистическая сила, разыгравшая свою карту в схватке божественного и дьяволического. Автор не дает ответа, сознательно сгущая атмосферу таинственности вокруг персонажа. Рассказ заканчивается словами, подводящими итог произошедшему: «Если это человек, то, во всяком случае, он единственный из людей, признавший Бога в Распятом на кресте, осмеянном и униженном преступнике» (129) (курсив мой. — Т. В.). Здесь сама постановка вопроса наталкивает читателя на мысль об участии в битве добра и зла неназванной силы, принявшей облик благоразумного разбойника.

Таким образом, в интерпретации Кондратьева евангельская история распятия Христа представлена как решающая битва добра и зла, которые персонифицированы соответственно в Сына Человеческого и Избранника. При этом результат сражения связан с присутствием третьей силы — загадочного

преступника-араба, от позиции которого зависит исход схватки. Писатель по-своему трактует легенду о благоразумном и безумном разбойниках, превращает этих второстепенных евангельских персонажей в ключевых действующих лиц. Кондратьев изменяет угол зрения на события, показывая их глазами духа, представителя сил тьмы, в чем проявляется стремление художника дать новый взгляд на известные обстоятельства.

Автор использует евангельские тексты, порой прибегает к прямому цитированию, однако изменяет содержание новозаветной истории не только введением мотива космической битвы Света и тьмы, но и смещением точки зрения на благоразумного разбойника. Образ его создает главную интригу повествования: подчеркивается значимость этой фигуры в сражении добра и зла, его загадка (кто он такой и какие цели преследует) создает в финале рассказа эффект недосказанности — неразгаданной тайны библейской истории.

Примечания

- ¹ Кондратьев А. А. Боги минувших времен: стихотворения / сост., вст. ст. В. Крейда. М.: Молодая гвардия, 2001. С. 92.
- ² В записной книжке в 1906 году Блок отметил: «Кондратьев удивительный человек. Его рассказ о чертике и Христе — глубоко символичен. Он — совершенно целен, здоров, силен инстинктивной волей; всегда в пределах гармонии, не навязывается на тайну, но таинственен и глубок» [2, 84].
- ³ Выражение С. М. Городецкого, отразившее отношение к мифологии в литературно-художественной среде Серебряного века: «Древний хаос потревожим, / Космос скованный низложим, — / Мы ведь можем, можем, можем!» (Городецкий С. Избранные произведения: в 2 т. Т. 1: Стихотворения. М.: Худож. лит., 1987. С. 75).
- ⁴ Кондратьев А. А. Сны: романы, повесть, рассказы. — СПб.: Северо-Запад, 1993. С. 124. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с указанием страницы в круглых скобках.

Список литературы

1. Апокрифические сказания об Иисусе, Святом Семействе и Свидетелях Христовых / сост., вступ. ст. и коммент. И. С. Свенцицкой, А. П. Скогорева. — М.: Когелет, 1999 [Электронный ресурс]. — URL: <http://lib.ru/HRISTIAN/apok3.txt>. (04.04.2014).

2. Блок А. А. Записные книжки 1901–1920 / сост., подгот. текста, предисл. и прим. В. Орлова. — М.: Худож. лит., 1965. — 663 с.
3. Кормилов С. И. Метризованная проза в произведениях А. А. Кондратьева на античные и древневосточные темы // Филологические науки. — 2009. — № 5. — С. 19–28.
4. Коровашко А. В. Заговоры и заклинания в русской литературе XIX–XX вв. — М.: Изд-во Кулагиной — Intrada, 2009. — 364 с.
5. Минц З. Г. О некоторых «неомифологических» текстах в творчестве русских символистов // Минц З. Г. Поэтика русского символизма. — СПб.: Искусство, 2004. — С. 59–96.
6. Моисеева А. А. Реконструкции славянских мифов в поэтических циклах К. Бальмонта, С. Городецкого, А. Кондратьева // Филологические заметки. — 2012. — Т. 1. — № 10. — С. 177–181.
7. Орлицкий Ю. Б. «Близнечные тексты» в стихах и прозе А. А. Кондратьева // Александр Кондратьев: исследования, материалы, публикации / отв. ред. Е. М. Васильев. — Ровно: Волиньскі обереги, 2008. — С. 14–23.
8. Пивоварова И. А. Поэтика мифологической прозы А. А. Кондратьева: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Волгоград, 2013. — 20 с.
9. Полонский В. В. Вяч. Иванов и И. Анненский: к проблеме «двух моделей» античности на рубеже веков // Вячеслав Иванов. Исследования и материалы. Вып. 1 / отв. ред. К. Ю. Лаппо-Данилевский, А. Б. Шишкин. — СПб.: Изд-во Пушкинского Дома, 2010. — С. 377–390.
10. Розанов Ю. В. Фольклоризм А. М. Ремизова: источники, генезис, поэтика. — Вологда: ВГПУ, 2008. — 267 с.
11. Свенцицкая И. С. Раннее христианство: страницы истории. — М.: Политиздат, 1987. — 336 с.
12. Седов О. Мир прозы А. А. Кондратьева: мифология и демонология // Кондратьев А. А. Сны: романы, повесть, рассказы. — СПб.: Северо-Запад, 1993. — С. 5–6.
13. Скогорев А. П. Апокрифические деяния апостолов. Арабское Евангелие детства Спасителя. Исследования. Переводы. Комментарии. — СПб.: Алетейя, 2000. — 480 с.
14. Таран Е. Г. Александр Кондратьев и московские символисты // Русская литература. — 2012. — № 3. — С. 163–169.
15. Топоров В. Н. Неомифологизм в русской литературе начала XX века. Роман А. А. Кондратьева «На берегах Ярыни». — Trento: Vevzlin, 1990. — 326 с.
16. Шалашов Е. В. Творчество А. А. Кондратьева 1899–1917 гг.: дис. ... канд. филол. наук. — Череповец, 2004. — 173 с.
17. Шинкарова Н. В. Мифопоэтика рассказов А. А. Кондратьева: сквозные архетипические мотивы и образы: сборники «Белый Козел», «Улыбка Ашеры»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Ульяновск, 2008. — 19 с.

Tatiana N. Voronina

Vologda State Pedagogical University
(Vologda, Russian Federation)

myberegok@rambler.ru

THE INTERPRETATION OF THE EVANGELIC PLOT IN THE STORY "THE LAST TEMPTATION"

BY A. KONDRATIEV

Abstract. The author of the article analyses the interpretation of the gospel episode of the Crucifixion of Christ in the story "The Last Temptation" by A. Kondratiev. The research asserts that the writer follows the variants of the New Testament story presented in the Gospel of Luke and John, and considers the initial events as Christian myths that can be recreated in Art. A. Kondratiev changes the perspective of the event and shows it through the eyes of the spirit of the Devil's army. The episode of the Passion of Christ is presented as a decisive battle between good and evil, that are embodied in the son of Man and the Chosen one (Satan). The outcome of the battle is related to the presence of the third force, a mysterious Arab criminal, whose attitude the result of the battle depends on. The writer interprets the legend of a sensible robber and a mad robber in his own way, turning these minor characters into protagonists. The story contains allusions to the apocryphal "Gospel of Nicodemus", "The Arabic Gospel of the infancy of the Savior", and direct quotations from Testament texts. A. Kondratiev adds the motive of a cosmic battle between Light and darkness to the New Testament story, he accentuates the image of the wise thief introducing a key intrigue of the narration, emphasizes the role of this character in the fight between good and evil. The mystery of the character (who is he? what purposes is he pursuing?) produces the innuendo effect, the sense of an unsolved mystery of the Gospel story.

Keywords: The Gospel, Alexander Kondratiev, the image of the Devil, motif, allusion, sensible thief

References

1. *Apokrificheskie skazaniya ob Iisuse, Svyatom Semeystve i Svidetelyakh Khristovykh* [Apocryphal Legendaries About Jesus, the Holy Family and Christ's Witnesses]. Moscow, Kogelet Publ., 1999. Available at: <http://lib.ru/HRIS-TIAN/apok3.txt> (accessed 4 April 2014). (In Russ.)
2. Blok A. A. *Zapisnye knizhki 1901–1920* [Scribbling Diaries of 1901–1920]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1965. 663 p. (In Russ.)
3. Kormilov S. I. Metric Prose in the Works of A. A. Kondratiev on Antique and Ancient Eastern Themes. In: *Filologicheskie nauki*, 2009, no. 5, pp. 19–28. (In Russ.)
4. Korovashko A. V. *Zagovory i zaklinaniya v russkoy literature XIX–XX vekov* [Incantations and Sorceries in Russian Literature of the 19th and 20th Centuries]. Moscow, Intrada Publ., 2009. 364 p. (In Russ.)

5. Mints Z. G. On Some Neomythological Texts. In: *Mints Z. G. Poetika russkogo simbolizma* [Mints Z. G. *The Poetics of the Russian Symbolism*]. St. Petersburg, Iskustvo Publ., 2004, pp. 59–96. (In Russ.)
6. Moiseeva A. A. The Reconstruction of Slavic Myths in the Poetic Works of K. Balmont, S. Gorodetsky, A. Kondratiev. In: *Filologicheskie zametki*, 2012, vol. 1, no. 10, pp. 177–181. (In Russ.)
7. Orbitskiy Yu. B. “Bliznechnye Texts” in the Poetry and Prose of A. A. Kondratiev. In: *Aleksandr Kondrat'ev: issledovaniya, materialy, publikatsii* [Alexander Kondratiev: *Researches, Materials, Publications*]. Rovno, Voliński oberegi Publ., 2008, pp. 14–23. (In Russ.)
8. Pivovarova I. A. *Poetika mifologicheskoy prozy A. A. Kondrat'eva. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [The Poetics of the Mythological Prose of A. A. Kondratiev. *PhD. philol. sci. diss. abstract*]. Volgograd, 2013. 20 p. (In Russ.)
9. Polonskiy V. V. V. Ivanov and I. Annenskiy: More on the Problem of “Two Models” of Antiquity at the Turn of the Century. In: *Vyacheslav Ivanov. Issledovaniya i materialy* [Vyacheslav Ivanov. *Researches and Materials*]. St. Petersburg, Pushkinskiy Dom Publ., 2010, issue 1, pp. 377–390. (In Russ.)
10. Rozanov Yu. V. *Fol'klorizm A. M. Remizova: istochniki, genezis, poetika* [Folklorism of A. M. Remizov: *Sources, Genesis, Poetics*]. Vologda, Vologda State Pedagogical University Publ., 2008. 267 p. (In Russ.)
11. Svetsitskaya I. S. *Rannee khristianstvo: stranitsy istorii* [Early Christianity: *Pages of History*]. Moscow, Politizdat Publ., 1987. 336 p. (In Russ.)
12. Sedov O. The World of Prose of A. A. Kondratiev: Mythology and Demonology. In: *Kondrat'ev A. A. Sny: romany, povest', rasskazy* [Kondratiev A. A. *The Dreams: Novels, Short Novels, Stories*]. St. Petersburg, Severo-Zapad Publ., 1993, pp. 5–6. (In Russ.)
13. Skogorev A. P. *Apokrificheskie deyaniya apostolov. Arabskoe Evangelie detstva Spasatelya. Issledovaniya. Perevody. Kommentarii* [Apocryphal Deeds of the Apostles. *Arabic Gospel of the Infancy of the Savior. Researches. Translations. Comments*]. St. Petersburg, Aleteyya Publ., 2000. 480 p. (In Russ.)
14. Taran E. G. Alexander Kondratiev and Moscow Symbolists. In: *Russkaya literatura*, 2012, no. 3, pp. 163–169. (In Russ.)
15. Toporov V. N. *Neomifologizm v russkoy literature nachala XX veka: Roman A. A. Kondrat'eva «Na beregakh Yaryni»* [Neomithologism in Russian Literature of the 20th Century: A. A. Kondratiev's Novel “On the Banks of the Yaryn River”]. Trento, Vevzlin Publ., 1990. 326 p. (In Russ.)
16. Shalashov E. V. *Tvorchestvo A. A. Kondrat'eva 1899–1917 godov. Dis. ... kand. filol. nauk* [The Works of A. A. Kondratiev of 1899–1917. *PhD. philol. sci. diss.*]. Cherepovets, 2004. 173 p. (In Russ.)
17. Shinkarova N. V. *Mifopoetika rasskazov A. A. Kondrat'eva: skvoznye arkhētīpicheskie motivy i obrazy: sborniki «Belyy Kozel», «Ulybka Ashery»*. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [The Mythopoetics of the Stories of A. A. Kondratiev: *Throughline Archetypic Motives and Images: Collection of Stories “The White Goat”, “Ashera's Smile”*]. *PhD. philol. sci. diss. abstract*. Ulyanovsk, 2008. 19 p. (In Russ.)

Дата поступления в редакцию: 10.09.2014